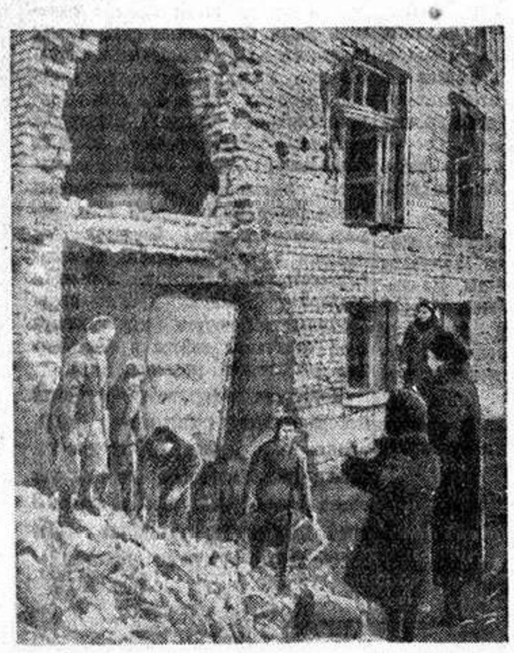
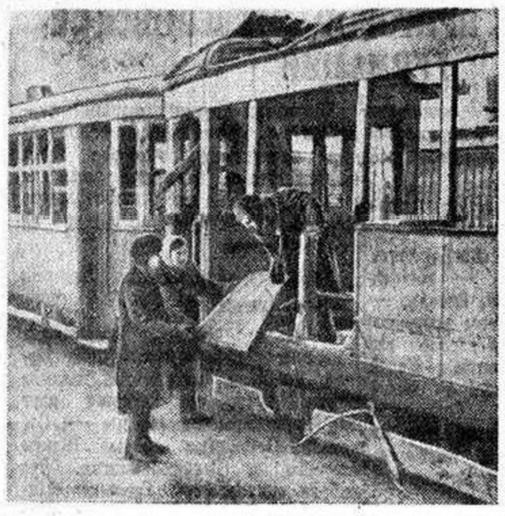
МЩЕНИЕ И СМЕРТЬ НЕМЕЦКО-ФИНСКИМ ЗЛОДЕЯМ!

Обагрённые кровью ленинградцев камни нашего города призывают тебя к мести, воин Красной Армии, моряк Балтийского флота!

★ ★ ★ ★ ★





По этим «военным» об'ектам бьют немецко-фашистские варвары: 1. Школа, разрушенная вражеским артобстрелом. 2. Трамвайный поезд, разбитый снарядом

Фото М. Мицкевич

ЖИЗНЬ 89-й ШКОЛЫ

Варварскими артиллерийскими обстрелами немецкие людоеды пытаются парализовать жизнь школ. Они хотят, чтобы ленинградские учителя перестали учить детей, чтобы наши школы превратились в развалины. Но мужественную советскую интеллигенцию ничем не удастся запугать.

Я хочу рассказать вам, дорогие бойцы и офицеры, о том, как живёт и работает 89-я школа, несмотря ни на какие обстрелы.

Недавно во время занятий несколько снарядов попали в здание школы. Благодаря мужеству учителей Шамрая, Горелик ной, Мельничук и Четвериковой никто из детей не пострадал. Однако школа была выведена из строя. За короткое время мы дважды меняли помещение. Но взирая на это, дети не потеряли ни одного учебного дня, и учителя добились хорошей успеваемости школьников.

Иногда занятия из-за обстрелов приходится переносить в бомбоубежище. Там тепло и светло, школьники обеспечены горячей пищей.

В праздники ученицы обычно выступают в госпиталях у раненых бойцов и командиров и рассказывают им о жизни города, о своей школе, о том, как правительство заботится о маленьких гражданах нашего города, о детях фронтовиков.

Так живёт наша школа. Много трудностей стоит на её пути, но мы знаем: близок час расплаты над немецкими детоубийцами.

Заместитель заведующего Гороно
М. БЕЛЕЦКАЯ

ОДНО ДЕЖУРСТВО

В последние дни немцы ежедневно обстреливают город, так что каждое дежурство приходится работать в очаге поражения.

3 декабря. 11 часов 40 минут. Слышим разрыв снаряда где-то недалеко от станции. В 11 часов 46 минут телефонный звонок. Через 45 секунд бригада (врач Розанова, сестры Черянина и Антонова, шофер Воробьев) выезжает на один из проспектов. Осколки снаряда попали в трамвай. В моторном вагоне на полу лежит 20-летняя Зинаида Уткина в агонии. У нее снесена осколком черепная крышка, обнажен мозг. На тротуаре сидит Петрова Валентина, 27 лет, с тяжёлыми ранениями в области левой лопатки. Много легко раненных, им оказывает помощь живущая в этом доме К. С. Павлова.

13 часов 26 минут. Бригада (доктор Пето, сестры Шикина и Васильева, шофер Колобов) на другом проспекте оказывает помощь тяжело раненным Клавдии Бородиной, 55 лет, Елизавете Рябининой, 38 лет, Ксении Михайловой, 66 лет.

15 часов 20 минут — снова вызов. Снаряд попал в переполненный вагон трамвая. Туда было направлено несколько машин во главе с доктором Вальтер (врачи Розанова, Пето, сестры Ивашко, Зайцева, Родина, Лукина, шофёры Григорьева, Алексеев).

В этом очаге леденящая сердце картина представилась нам, привыкшим к виду крови и смерти. В трамвае сидят на скамейке два пассажира-трупа. На мостовой лежит много трупов: мужчина, утянувшийся головой в землю, молодые женщины без головы или с оторванными конечностями, старухи, смотрящие мертвыми глазами, подростки с вывороченными внутренностями. Между ними — куски человеческих тел, портфели, документы, хлеб, капуста, завернутые в бумагу бутерброды.

На машины погружают тяжело раненных. Им быстро оказывается помощь.

Сердце до краёв наполняется чувством ненависти к фашистским извергам, которые в бессильной злобе вымещают на мирном населении свои неудачи на фронте.

Мы, ленинградцы, выдержим и этот удар врага, который он совершает из-за угла. Мы уверены, что бойцы и офицеры Ленинградского фронта отомстят подлым немецким и финским разбойникам за все жертвы, муки и разрушения.

Работники «Скорой помощи»

ПИСЬМА ЛЕНИНГРАДСКИХ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ НА ФРОНТ

Они не согнут ленинградцев

Полевая почта 20809 Ц
Арефьеву Борису Андреевичу

Здравствуй, дорогой Борис!

Я тебе одно неприятное известие должна сообщить, только ты не пугайся, как будто самое страшное прошло. Пишу я тебе из больницы, куда попала после артиллерийского обстрела. Меня ранило около виска. Вытекло много крови, весь платок пуховый и фуфайка были в крови, и сознание я в ту минуту потеряла. Но потом встала, и какая-то женщина повела меня в больницу. Левым глазом я сейчас ничего не вижу, но говорят, что вылечат.

Хочу как можно скорее из больницы выйти и снова за работу взяться. Работаем много и устаём, но это не страшно — так требует война! Ты знаешь, что ленинградцы трудностей не боятся. Когда выйду из больницы, буду, конечно, ещё лучше работать, потому что этим буду мстить врагу.

Дорогой Борис! Пиши мне чаще, как ты живёшь и воюешь. За то, что мне сделал Гитлер, ты должен отомстить. А также помни, что обстрелами они нас не запугают. Никогда паршивым немцам и финнам не согнуть ленинградцев.

Надеюсь на нашу скорую встречу. Крепко целую тебя.

Твоя жена Александра.

Улица Петра Лаврова,
дом № 50, кв. 1.

У стены дома

Если бы мне раньше кто-нибудь сказал, что мне суждено будет пережить такие несчастья, я не поверила бы этому.

Я была ранена на последнем месяце беременности. Я шла по улице вместе с мужем, когда начался обстрел. Мы встали, прислонившись к стене, и мой муж загородил меня от осколков. От четвёртого снаряда он погиб, а меня ранило в руку. Больная, измученная, я родила мальчика. Но, к счастью, он оказался здоровым, и я назвала его Александром в память о моём убитом муже.

Дорогие бойцы, тяжело мне сейчас. Но я не теряю мужества и хочу дожить до светлого дня и встретить вас с победой.

ЕГОРОВА Мария Ивановна

Мсти за меня

Письмо Веры Петровны Терентьевой брату своему — Николаю на фронт

Дорогой брат мой Коля! Недавно в выходной день я приехала в город, чтобы повидаться с сестрой Марией. Я шла по улице. Всё было тихо. Но вдруг начался обстрел. Первым снарядом меня ранило в руку, потом около меня разорвался ещё снаряд, и осколок попал мне в спину и ногу. Но я не потеряла сознания и ползком добралась до арки. Тут мне оказали помощь и увезли в карете скорой помощи в больницу.

Изо всех сил бей презренных немцев за меня и за родителей, которые до сих пор томятся в фашистском плену.

Твоя сестра Вера.

Моя внучка

Дорогие товарищи бойцы Ленинградского фронта!

Пишет вам старая ленинградская женщина. Много лет прожила я за Нарвской заставой. Муж на «Северной верфи» работал, сын Анатолий — в порту шофёром, сноха Надежда — там же в порту счетоводом. Хорошая квартира была у нас. Все трудились, зарабатывали и жили дружно. За Нарвской заставой становилось красиво, как на Невском, много новых домов там построили, улицы асфальтировали. А самое большое утешение старости моей, самая большая красота жизни моей была внучка Ангелина, или Геличка, как все мы ее звали. Я ее выходила. Сноха работала, сын работал, а я девочку воспитала. Училась она в школе, а также в музыкальной студии, и очень хорошо играла на пианино. Была Ангелина девушка уважительная, трудолюбивая, честная. Семнадцать лет ей недавно исполнилось, и стала она студенткой в медицинском техникуме.

За войну, дорогие товарищи бойцы, много горя и несчастий на меня свалилось. От сына с фронта долго нет никаких известий. Муж в голодную зиму умер. А меня, старую, осколком снаряда на улице поранило. Вылечилась я, но сердце стало очень слабое.

Знаем мы со снохой Надеждой, что нельзя трудностям поддаваться, и держали себя в руках. Надежда работала с утра до ночи. Она хорошие отзывы в учреждении имеет. А я огород обрабатывала, по дому дежурила, хозяйством занималась. Но тут, дорогие товарищи бойцы и командиры, такая беда произошла, от которой не знаю, оправлюсь или нет...

Это на-днях было. Внучка моя шла по улице, и близко от неё снаряд разорвался. Мы уже в больнице её нашли. Лежит, мутным взглядом вперёд смотрит и шепчет: «Бабулечка, мне больно очень. Бабулечка, меня Гитлер ранил, мне колет всюду». Она под морфием была, иначе этих мук никак вытерпеть нельзя. Много ран у неё. Правое бедро сломано, позвоночник ранен, одна рука сломана, а на другой несколько ран. И вся она покалечена, много мелких осколков во всё тело впилось. Только сегодня у неё большой осколок из бедра вышел. Взяла я его в руки, чёрный он, большой, со спичечную коробку длиной и с острыми углами. И ещё затвердевший кусок асфальта вышел. Смотрю я на эти осколки и думаю: за что терзаете вы, изверги немецкие, молодое тело внучки моей Ангелины? За что вы её покалечили? Да разве у злодеев вопросы спрашивают. Их убивать надо.

Очень тяжело мне, товарищи бойцы. Жизнь внучки моей на волоске висит. Лежит она горячая, бредит и со смертью борется.

Товарищи бойцы! У моей внучки вся жизнь была впереди, а немцы её покалечили совсем. Они наших детей осколками убивают. Они, как окаянные, с утра до вечера по Ленинграду стреляют. Знают, что им не сладить с Ленинградом, и вымещают свою злость и подлость на нас. Я вам слово даю, товарищи бойцы, что мы ни на минуту сердцем своим не дрогнем и будем свой долг выполнять, город беречь и содержать в порядке. А вы должны помнить всегда про наши бедствия. Мы в вашу силу верим и знаем, что скоро прогоните вы проклятых немцев и финнов от Ленинграда. До того во мне злоба на них кипит, что, кажется, взяла бы винтовку или нож, или другой предмет какой-нибудь и сама пошла бы их, окаянных, терзать, как они мою внучку истерзали. У меня страха никакого нет, но сил мало, и я знаю, что вы за нас всех отомстите.

Врачи за внучкой всё время смотрят и новые методы лечения обещают применить. И я надеюсь, что она поправится, потому что даже представить себе не могу, что она умрёт.

Товарищи бойцы! Ведь это наше будущее поколение, а немцы в них стреляют. Я надеюсь, дорогие, что вы запомните мои слова. Желаю вам успехов в бою. Будьте целы и невредимы. С приветом к вам

ФИНОГЕНОВА Надежда Дмитриевна

Адрес: набережная реки Мойки, 22, кв. 10.

8 декабря.

Дорогие бойцы и командиры Красной Армии! Я Гальшев Валя 11 лет ученик 79 школы 3 класса. Мой папа на фронте. Я 3 декабря ехал из школы в трамвае № 12. Объявили обстрел района, трамвай остановился, все стали выходить из вагона. В это время ударил недалеко снаряд, потом ударил второй, все упали, а я нагнулся, у меня зазвенело в ушах. Потом почувствовал в правой ноге что-то теплое, я побежал и увидел кровь. Потом подъехала скорая помощь и увезла меня в больницу. Папа и бойцы! Отомстите за меня и других ребят немцам.

Гальшев Валя
ул. Крапоткина дом 17 кв 62

Наказ раненого сына

Полевая почта 36836
Реутову Дорофею Петровичу

Здравствуй, дорогой папа!

Передаю я тебе привет и желаю всего хорошего. Я уже писал тебе, что поступаю в скульптурно-художественное училище. Там обучают живописи, лепке, художественной обработке мрамора и металла. Это училище создано, чтобы Ленинград обстраивать. Немцы пока ещё в дома стреляют, но их скоро погонят, и город уже обстраивается, поэтому мы в училище и попали. Принимали в училище тех, кто имеет способности по рисованию и черчению. И я экзамены выдержал. Живу в общежитии. Всем ребятам приготовлены кровати, простыни и одеяла.

Неделю тому назад привезли к нам машину со всякими статуями, деревянными изделиями и гипсом для учёбы. Нашу группу назначили разгружать машину, и было нас там человек двадцать пять. В это время рядом снаряд разорвался, и мы все упали. Меня волной откинуло. Когда очнулся, чувствую — больно в груди, туман и дым в глазах, а рядом раненые кричат. Когда я оглянулся, то увидел много убитых ребят. У одного была голова пополам разрублена, у другого ноги оторваны. Только двое или трое ребят остались целы, а остальные все убиты или тяжело ранены.

У меня осколок ещё в груди находится, но скоро его должны вынуть, так что ты обо мне не беспокойся. Вместе со мной лежит в палате наш ученик Короб Иосиф, он тоже раненый. Иосиф всё время молчит, потому что у него родных никого не осталось: папа его на фронте пропал без вести, а мама и две сестры были убиты бомбой.

Папа, я тебе хочу написать, чтобы ты больше бил фрицев за то, что они обстреливают Ленинград. Затем до свиданья. Крепко тебя целую.

Твой сын Вася.

Пиши мне на адрес школы, а оттуда мне письма принесут сюда, в больницу.

Немецкие людоеды

На руках у меня был месячный ребёнок Володя. Я вышла на улицу и перешла трамвайную линию, как вдруг услышала свист снарядов. Первый снаряд ударил куда-то в соседнюю улицу, а второй упал в дом, и меня ранило осколком. Я упала, но не растерялась. Ребёнок был у меня на руках. Я попыталась встать, но снова упала. Теперь ребёнок выпал из моих рук, и я ползком, волоча одеяло, в которое был завёрнут мой сынишка, добралась до парадной. Кровь била из меня ручьём. По лестнице, ступенька за ступенькой, я доползла до второго этажа и стала стучать в дверь...

На мой крик вышел старичок, схватил меня и втащил вместе с сынишкой в свою квартиру. Потом он побежал на улицу и привёл трёх дружинниц. Они сделали перевязку, и меня отправили в больницу.

И вот теперь я лежу на койке и думаю. Я работала санитаркой. Много лет я помогала больным, ухаживала за детьми фронтовиков. Но меня ранили проклятые фашисты. Отомстите немецким людоедам за мою кровь.

Санитарка ГАВРИЛОВА Анисья Васильевна

Ул. Достоевского, д. № 25, кв. 1.

ПУСТЬ ТОЧЕН БУДЕТ ТВОЙ ВЫСТРЕЛ

25 лет своей жизни отдала воспитанию маленьких детей скромная советская труженица Анна Петровна Грекова.

Сотню дошкольников вырастила она, бережно провела их по первым трудным путям познания жизни, подготовила к обучению в школе, воспитала в их сердце любовь к нашей родине.

Осенью и зимой 1941/42 года под бомбёжкой врага на своих руках переносила она в укрытие десятки испуганных малышей, каждую ношу прикрывала собой, всё подчинив одной цели — спасению жизни детей.

В страшный блокадный год Анна Петровна проводила ночи у постелей ослабевших и больных детей. Своей самоотверженностью она отвоевала для родины одного за другим воспитанников своего детского сада. Она не боялась трудностей. В памятную зиму 1942 года, запрягаясь в сани, возила она для детей воду с Невы, обмывала и обшивала их, а весной обрабатывала землю, чтобы первую свежую зелень получили её воспитанники.

Ей, заведующей 32-м детским садом Приморского района, слали свои благодарные письма бойцы Ленинградского фронта, их детям отдавала она всё своё время, всё тепло своей жизни, свою настоящую материнскую заботу.

Её творческий труд, её работу, необходимую фронту, прервал осколок снаряда, разорвавшегося среди мирных граждан на улице нашего города. Анна Петровна лишилась ноги.

Сейчас, лёжа среди таких же невинно пострадавших мирных людей, терпеливо выносит Анна Петровна тяжёлые нечеловеческие муки.

Боец Ленинградского фронта!

К тебе обращаемся мы, дошкольные работники Ленинграда, товарищи Анны Петровны Грековой, свидетели её честной, отданной твоим детям жизни.

Отомсти за неё, отомсти за скромного советского человека, отомсти за женщину, которая растила твоих малышей, согревала их своими руками, которая заменила им в детском очаге, созданном советской властью, твой семейный очаг.

Тяжело раненная, в бреду, она вспоминает о своих воспитанниках, она беспокоится о них, она рвётся к ним.

Пусть верная пуля нашего бойца, пусть советский снаряд достойно отомстят немецко-финским преступникам за разбитую жизнь Анны Петровны Грековой.

Дошкольные работники Приморского района: А. Милеант, О. Дудыева, Рощина, Миропольская, Бляхер, Максимова, Чупина, Стэберг, А. Сорокина, Коробочкова, Семенова, Браварова, Френкель, Филиппова, Кутьина, Рабинская, С. Соколинская, Рудевская, Калинина, Холчева

СЛЕД В МОЕМ СЕРДЦЕ

Я — хирург и работаю в таком отделении, куда привозят ленинградцев, пострадавших от артиллерийского обстрела. Через мои руки прошли сотни израненных мирных жителей — детей, женщин и стариков, которые своими страданиями оставили неизгладимый след в моем сердце.

Мои глаза много видели невинной крови. Фашисты убили 14-летнюю Валю Шеф, которая помогала больной матери спускаться в бомбоубежище, тяжело ранили беременную женщину Золотареву. Искалечили Вову Трифонова, вышедшего из дома, чтобы узнать, какие в магазине дают конфеты.

Пелагее Платоновне Константиновой — 70 лет. Её ранило на огороде.

Ваню Орлова, мальчика восьми лет, снаряды настигли у трамвайной остановки, когда он шел к своему товарищу Алику.

Можно привести ещё много имен пострадавших ленинградцев. Но мы, ленинградские врачи, видим не только страдания. Перед нами раскрываются души раненых детей, и когда им бывает особенно трудно, мы говорим о вас, бойцы, о вас, офицеры, и мы видим, как меняются лица ребят и становятся спокойнее. Дети знают, что там, впереди их стоит Красная Армия, которая отомстит за все страдания и за все эти варварские обстрелы нашего непобедимого города.

Старший хирург Ф. КОНСТАНТИНОВА

ВЕЛИКАНЫ И КАРЛИКИ

Суровый и непоколебимый, израненный, но могучий стоит Ленинград, с презрением взирая на фашистских карликов, которые копошатся у его ног. Они гнусны и жалки, они смешны в своём судорожном стремлении совладать с великаном. Но они кровожадны, эти наглые уродцы. Они брызжут ядовитой слюной, они посылают отравленные стрелы в тело Ленинграда, терзая его. Рядом с немецкими уродцами ползают и извиваются финские — ещё более чудовищно-противное порождение фашистского сатаны.

Неистово обстреливают фашисты Ленинград из дальнобойных орудий вот уже два с лишним года. В последние дни взбесившиеся карлики стали особо рьяны. А великий город стоит непоколебимо. Он ровно дышит. Он становится день ото дня не слабее, а сильнее. Он одет в железную броню. Эта броня — могучий дух его благородных и несгибаемых граждан. Эта броня — закалённые в боях войска, оберегающие Ленинград и готовые по первому приказу ринуться на врага. Эта непроницаемая броня — любовь всей страны, любовь, внимание и забота товарища Сталина.

Непоколебим Ленинград. Сотнями падают снаряды на улицы, а город продолжает жить и трудиться. Работают его фабрики. Работают его учреждения. Работают его электростанции. Действует телефон. Говорит радио. Врачи оперируют больных. Педагоги в школах учат детей. Бесстрашные дочери Ленинграда, бойцы групп самозащиты, команды МПВО стоят на своих постах. На вышках дежурят девушки-дозорные. Они следят за полётом снарядов и под градом осколков сообщают в свои штабы о направлении вражеского огня. Девушки-наблюдатели дежурят на улицах и через связных доносят об очагах поражения. Девушки-сапёры, девушки-санитары всегда готовы к труду и подвигу во славу своего любимого Ленинграда, во благо его мирных граждан. Заканчивается обстрел, и замершие, застывшие улицы города оживают. Трамваи, грузовики, легковые автомобили движутся вновь. Вереницы пешеходов появляются на тротуарах. Открываются магазины.

Но мы не скрываем, мы заявляем на весь мир, что ленинградцы несут большие жертвы, испытывают тяжкие страдания. Немецкие и финские карлики-уродцы не могут сломить Ленинграда. Они чувствуют и знают, что город-великан скоро отшвырнёт их прочь, отшвырнёт и растопчет. И в злобе они убивают мирных жителей, убивают стариков, женщин, убивают замечательных, смышлёных и трудолюбивых ленинградских детишек. Тот, кто видел женские трупы на панелях и тротуарах города, тот, кто видел маленькие распластавшиеся детские тела, тот, кто видел оторванные человеческие головы и руки и алую кровь, застывшую на фасадах зданий, — тот сохранит в душе своей на веки вечные жгучую, как пламя, ненависть к немцам и финнам, бесконечно кровожадным трусам, гнусным выродкам человечества, каких не знал мир на протяжении всех веков.

Я видел 20-летнюю Антонину Болотину, девушку с открытым лицом и большими умными глазами. Она была ещё жива. Она смотрела вперёд неподвижным удивлённым взглядом, как бы спрашивая, почему она умирает. Какой мерой нужно воздать её убийцам, подлым фашистским выродкам! Её молодое тело было пробито мелкими осколками. Рядом стояла её мать. Она не плакала, она не могла плакать. Это была её единственная дочь, единственный оставшийся в живых человек из её семьи. Мать говорила тихо, едва шевеля губами:

— Что это происходит? Она умрёт. О злодеи! Что они сделали? Как их наказать можно? На куски резать? Но этого ведь мало.

Я сидел на больничной койке и разговаривал с мальчиком Петей Дьяконовым. У него обрубки вместо рук. И недавно фашисты оторвали ему осколком снаряда левую ножку. В тот же день они убили его мать — научного сотрудника музея. Петя Дьяконов — это живое воплощение безвинных жертв фашистских убийц в Ленинграде — говорил мне, лепеча по-детски, ещё хорошо не понимая, что с ним случилось.

— Мама стояла на тротуаре, а я пошёл к трамвайной линии, — рассказывал мальчик. — Как разорвался снаряд, я не помню, потому что ничего не соображал. А потом вижу — вокруг огонь и дым, и понял, что это снаряд разорвался. Вижу, у меня брюки разорваны, кровь течёт, а впереди мама лежит. Возле неё крови не было, а руки были сложены на груди. Я испугался и закричал: «Мама!», но в это время меня отвезли в больницу. Когда я проснулся, то узнал, что мама убита.

Потом мальчик сказал: «Теперь я остался один» — и, отвернувшись к стене, припал лицом к подушке.

Вот что творят немецкие и финские людоеды. Но, терзая тела ленинградцев, они не могут растерзать их души, не могут растерзать их волю, не могут растерзать их веру в победу, не могут растерзать их ненависть и презрение к подлым уродцам, обезумевшим немецким и финским карликам, задумавшим разрушить Ленинград. Жители великого города, провожая погибших в последний путь, клянутся над их телами, как солдаты, честно служить родине и великому, любимому, ни с чем в мире не сравнимому городу своему, хранить его честь, хранить высокое, овеянное славой легенды имя ленинградцев, которых чтит вся страна и с которых многое спрашивается.

Грязные, покрытые струпьями, одичавшие немецкие и финские уродцы за все свои поистине чудовищные преступления ответят полной мерой. Ответят за стоны ленинградских детей и женщин. Ответят за святую кровь граждан нашего города. Расплата близка. Она будет неумолима.

К. ВЛАДИМИРОВ

Вот в кого стреляют немецко-фашистские мерзавцы: 1. Раненные во время артобстрела: Петя Дьяконов, учащийся, 12 лет; Вася Реутов, учащийся, 16 лет; Александра Арефьева, работница Ленэнерго, 28 лет; Федор Орлов, учащийся, 17 лет. 2. Убиты во время артобстрела: педагог художественного училища Евгения Михайловна Куратова, 31 года, и учащаяся художественного училища Тамара Александрова, 16 лет.

Фото Д. Трахтенберга